

Днем Цинь Чжао тщательно перебрал и упаковал лекарственные травы, которые купил в городе.

Теперь, когда денег стало больше, он старался покупать больше трав, чтобы не ездить в город так часто.

Цзин Ли положил голову на стол и наблюдал, как он ловко сортирует травы.

Он нашел это очень странным.

Сегодня Цинь Чжао по-прежнему купил травы в нескольких разных аптеках, приобретая по несколько видов в каждой, а затем смешивая их дома. Цзин Ли заметил, что Цинь Чжао никогда не покупал одни и те же травы дважды в одной и той же аптеке.

Это натолкнуло его на мысль, что Цинь Чжао не хотел, чтобы кто-то знал, какое лекарство он покупает.

Чем больше Цзин Ли думал об этом, тем больше ему становилось любопытно, поэтому он тихо позвал:

— Цинь Чжао...

Цинь Чжао поднял глаза.

— Что?

— Что за болезнь у тебя? — спросил Цзин Ли.

Цинь Чжао приостановил свои движения и посмотрел на него.

Под его пристальным взглядом Цзин Ли почувствовал себя немного виноватым и моргнул:

— Я... Мне просто любопытно. Ты принимаешь так много лекарств, но почему тебе не становится лучше? Что именно ты принимаешь?

Цинь Чжао ответил:

— Ты спрашиваешь, почему я покупаю лекарства таким образом?

Цзин Ли всегда плохо умел скрывать свои чувства, и когда Цинь Чжао сегодня привел его в

аптеку, растерянность в глазах Цзин Ли была очевидна.

Но после ухода из аптеки он ни о чем не спрашивал.

Цинь Чжао задавался вопросом, как долго он сможет сдерживать свое любопытство. Похоже, два часа были его пределом.

Цинь Чжао отвел взгляд и спокойно объяснил:

— Потому что я не хочу, чтобы кто-то знал мой рецепт.

Это соответствовало подозрениям Цзин Ли.

Но он все равно не понимал, почему Цинь Чжао хотел сохранить это в тайне. Неужели рецепт был настолько редким и секретным, что Цинь Чжао не хотел, чтобы об этом кто-то еще знал? Или дело было в...

— Я не хочу, чтобы кто-то знал о моей болезни, — продолжил Цинь Чжао, ничего не скрывая. — Опытные врачи могут определить болезнь по рецепту, но мое состояние довольно необычное, и не стоит сообщать об этом посторонним, так как это может вызвать проблемы.

Цзин Ли не понял.

— Что ты имеешь в виду?

— Глупыш, я сказал, что это может вызвать проблемы, если люди узнают. Ты не боишься проблем? — с улыбкой спросил Цинь Чжао.

— Я не боюсь, — ответил Цзин Ли. — Кроме того, я ведь больше не посторонний, верно?

Маленький дурачок был полностью предан своей роли фулана.

Цинь Чжао на мгновение застыл, затем мягко улыбнулся и погладил его по голове.

— Ты прав, ты не посторонний.

Глаза Цзин Ли заблестели.

— Так что, ты можешь рассказать мне?

— Нет.

Цзин Ли: «...»

Как он мог быть таким?

Цинь Чжао больше ничего не сказал.

Он быстро закончил сортировать травы, высыпал их в лекарственный котелок и начал заваривать. Обернувшись, он увидел, что Цзин Ли все еще лежит на столе. Его длинные бледные пальцы играли с разбросанными по столу корнями, скучно перебирая их.

Цинь Чжао позвал его:

— Рыбка, иди вздремни.

Возможно, из-за своей болезни Цинь Чжао вел очень здоровый образ жизни и каждый день после обеда, когда был дома, ненадолго ложился вздремнуть.

Проведя с ним столько времени, Цзин Ли тоже перенял эту привычку и примерно в это время начинал чувствовать сонливость.

Но он просто протер глаза, не поднимая головы, притворяясь, что не слышит.

Цинь Чжао, прекрасно понимая, что его беспокоит, беспомощно улыбнулся.

— Прошел всего день, а ты уже не слушаешься? Не боишься, что я тебя прогоню?

— Не боюсь.

Цинь Чжао приподнял бровь, но Цзин Ли повернул голову и игриво подмигнул ему.

— Теперь я твой фулан, зачем меня прогонять?

В его тоне был намек на гордость.

Подтекст был ясен: теперь, когда они стали парой, Цинь Чжао не мог просто бросить его.

Цинь Чжао, заинтригованный, поддразнил его:

— Но даже после свадьбы мы все равно можем развестись.

Цзин Ли возразил:

— Тогда я пойду и скажу старосте деревни, что ты бросаешь своего фулана и ребенка, что у тебя дурной характер и что он не должен поддерживать твое участие в императорском экзамене.

Цинь Чжао: «...»

Цинь Чжао не был уверен, называть его глупым или умным.

Он еще не сообщил старосте о своем намерении участвовать в императорских экзаменах.

Первый этап экзамена, Туншэн, проводился каждый февраль, и в этом году он уже его пропустил. Следующая возможность зарегистрироваться появится в конце года.

Чтобы подать заявку на экзамен Туншэн, кандидату нужны несколько односельчан и ученый в качестве поручителей.

Роль поручителя заключается в том, чтобы поручиться за кандидата. Если кандидат списывает во время экзамена или совершает другие правонарушения, в этом будет виноват и поручитель.

Поэтому поручитель должен быть особенно внимателен к характеру кандидата.

В деревне Линьси единственным ученым является староста, поэтому, если бы Цинь Чжао захотел подать заявку на экзамен, ему пришлось бы обратиться за помощью к старосте.

Но... Разве он не сдавал императорские экзамены, чтобы поддержать эту маленькую рыбку?

Этот маленький парень перепутал последовательность событий?

Более того...

— Бросаешь своего фулана и ребенка? — в глазах Цинь Чжао мелькнуло веселье, когда он медленно опустил взгляд.

Сказав это, Цзин Ли понял, что в его словах что-то не так. Увидев взгляд Цинь Чжао, он быстро прикрыл живот.

— О чем ты думаешь? Я просто сказал это. Я не...

Его голос стал тише, последние несколько слов были едва слышны.

По правде говоря, Цзин Ли не был до конца уверен, так это или нет.

Но он точно знал, что до того, как попасть в этот мир, он был обычным человеком. Его внешность почти не изменилась, так что если его физическое строение тоже не изменилось, то он не должен быть шуаньэром.

Да, определенно нет.

— ...Значит, ты не?.. — Цинь Чжао моргнул, испытывая необъяснимое чувство разочарования.

Его не особо интересовал пол рыбки, но, учитывая то, что только что сказал Цзин Ли, он, естественно, предположил, что этот малыш действительно был шуаньэром.

Но если нет, то это действительно не имело значения.

Не говоря больше ни слова, Цинь Чжао подошел к столу, схватил Цзин Ли за воротник и поднял его.

— Иди спать, поговорим позже.

— Позже? — скептически переспросил Цзин Ли. — Откуда мне знать, что ты не отмахиваешься от меня?

Цинь Чжао спокойно посмотрел на него.

После короткого противостояния взглядов Цзин Ли отвел глаза, чувствуя себя виноватым.

— Я понимаю...

Цинь Чжао обычно был мягким и вежливым, но, когда он замолчал, в его пронизательных глазах появлялось нечто пугающее, от чего становилось не по себе.

Цзин Ли не осмелился задавать больше вопросов. Он уже собирался взять свое маленькое деревянное ведро с низкого шкафчика, когда Цинь Чжао снова потянул его назад.

Цзин Ли обернулся.

— Что случилось?

Цинь Чжао отпустил его и объяснил:

— Жители деревни обычно не спят днем, а сейчас почти полдень. Если кто-нибудь придет искать меня, а у тебя не будет времени вернуться в свою первоначальную форму, что, если тебя увидят?

Цзин Ли подумал, что в его словах есть смысл.

Поразмыслив немного, он неуверенно предложил:

— Тогда... Как насчет того, чтобы я прилег с тобой на кровать? Обещаю, что не сброшу тебя!

Цинь Чжао оставался невозмутимым.

— Хорошо.

Деревянная кровать была не очень большой, но, к счастью, Цзин Ли был миниатюрным. Когда они оба лежали на ней, места хватало с запасом.

Однако Цзин Ли, казалось, очень беспокоился о том, чтобы не мешать Цинь Чжао, и продолжал прижиматься к стене, из-за чего его и без того маленькая фигура казалась еще меньше.

Цинь Чжао посмотрел на широкую пропасть между ними на кровати, похожую на ущелье, и не смог сдержать смех.

— Подойди ближе, разве стена не холодная?

— Нет, все в порядке, — ответил Цзин Ли, обнимая одеяло и глядя на Цинь Чжао.

Глаза Цзин Ли от природы были яркими и красивыми. Слегка покрасневшие в уголках из-за сонливости, он излучал невинность и добродушность, когда смотрел на Цинь Чжао снизу вверх.

Он снял только верхнюю одежду для сна, а под ней на нем была все та же одежда Цинь Чжао. Воротник был явно великоват, открывая вид на его бледную, похожую на фарфор грудь с точки зрения Цинь Чжао.

...Цинь Чжао чувствовал, что за один этот день его самообладание было испытано на прочность.

Он перевернулся, заставляя себя не смотреть дальше.

Днем в комнате было особенно тихо, и вскоре дыхание за его спиной стало ровным, что означало, что Цзин Ли заснул. Цинь Чжао слегка прикрыл глаза, и его мысли начали успокаиваться.

Но вскоре прохладная рука легла ему на плечо.

Цинь Чжао: «...»

Он тихо вздохнул и попытался оттолкнуть руку. Но вместо того, чтобы отодвинуться, Цзин Ли что-то пробормотал во сне, судя по всему, недовольный, перекатившись на Цинь Чжао.

Прохладное дыхание коснулось уха Цинь Чжао.

Цзин Ли спал.

С тех пор, как он стал рыбой, его тело всегда было холодным. В полудреме он почувствовал рядом с собой что-то теплое и, не задумываясь, ухватился за это.

Он обернулся вокруг, словно прижимаясь к камину.

Цинь Чжао наконец понял, что не пускать малыша в свою постель было мудрым решением.

Все время сна Цинь Чжао не мог сомкнуть глаз.

Это было далеко не безмятежно.

Поскольку Цинь Чжао в этот день был в городе, он не пошел утром на стройку, чтобы помочь с работой, и не смог приготовить обед для помогавших ему жителей деревни.

Итак, ужин был отложен до полудня.

К сумеркам Цинь Чжао собрал еду, но прежде, чем он успел спросить Цзин Ли, не хочет ли тот пойти с ним, он заметил, что Цзин Ли уже послушно ждет у двери.

Цзин Ли очень хотел проверить, как продвигается строительство их нового дома, и теперь, когда он мог свободно выходить на улицу, у него не было причин отказываться.

Цинь Чжао взял его с собой на западную окраину деревни.

Темпы строительства в деревне были поразительно быстрыми. Всего за один день главный дом во дворе уже был покрыт крышей. При таких темпах им оставалось только занести внутрь кровать, чтобы начать там жить.

Несколько жителей деревни копали оросительные каналы, и Цинь Чжао крикнул:

— Дядя Линь, пора обедать!

Линь Чанчжун поднял голову, услышав зов, и увидел Цинь Чжао.

— Это ты, Цинь Чжао?

Затем его взгляд упал на Цзин Ли, стоявшего рядом с Цинь Чжао, и он на мгновение замер.

Он присутствовал при том инциденте, который произошел накануне, поэтому, естественно, слышал о «фулане» Цинь Чжао. Но вчера, когда вокруг дома Цинь Чжао толпилось так много людей, он не смог ничего разглядеть.

И он не видел, как выглядит «фулан» Цинь Чжао.

Но расспросы всех, кто его видел, приводили только к одному выводу: он был прекрасен.

Жители деревни были не очень образованными, с ограниченным словарным запасом. Поразмыслив, они смогли сказать только то, что Цзин Ли был «хорош собой».

Линь Чанчжун сначала подумал, что они преувеличивают, но теперь, увидев Цзин Ли вживую, он наконец понял.

Действительно, он был хорош собой, и не просто хорош.

Не говоря уже о том, что в деревне Линьси, да и среди всех людей, которых он встречал в своей жизни, кроме Цинь Чжао, он никогда не видел никого столь же красивого, как Цзин Ли.

В этот краткий миг все остальные тоже отложили свои дела и посмотрели на Цинь Чжао.

Маленький фулан, смущаясь от пристальных взглядов, держал контейнер с едой и прятался за Цинь Чжао.

— Ну-ну, разве ты не говорил, что не собираешься жениться, когда я спрашивал тебя раньше? А теперь что это? Прячешь красавицу в своем золотом доме, да?

Группа сидела во дворе на каменных плитах и бамбуковых стульях, от души болтала и ела.

Цинь Чжао был щедр: он приготовил для них сытный обед с несколькими гарнирами, в том числе яичницей-болтуньей, которая была настолько роскошной, что в это трудно было поверить. В конце концов, в некоторых менее обеспеченных семьях, даже нанимая прислугу, не предлагали никаких гарниров, только простую кашу.

Когда он это сказал, Цинь Чжао как раз перекладывал яйца из своей миски в миску Цзин Ли. Он замолчал, услышав это замечание, но затем спокойно ответил:

— Он недавно в деревне и еще не привык. Я планировал познакомить его со всеми позже.

— К чему тут привыкать? Чем больше он будет выходить, тем быстрее освоится!

— Именно, вам нужно чаще выводить его в люди. Мы все здесь соседи, и хорошо помогать друг другу.

Цинь Чжао кивнул:

— Я так и сделаю.

Группа продолжала болтать и есть. Внезапно кто-то что-то вспомнил и сказал Цинь Чжао:

— Кстати, в канале есть место, с которым сложно справиться. Тебе нужно посмотреть и принять решение до наступления темноты.

Как только солнце зайдет, они ничего не смогут разглядеть на строительной площадке, поэтому им нужно было использовать весь световой день.

Цинь Чжао кивнул в знак согласия, отложил миску и палочки и пошел за человеком, чтобы разобраться с проблемой.

После ухода Цинь Чжао остались только работающие мужчины и одинокий маленький карп кои.

Цзин Ли, опасаясь, что может сказать что-то не то и выдать себя, чувствовал странное волнение и не поднимал головы, спокойно продолжая есть и ни разу не взглянув на окружающих.

Но он не мог избежать того, чтобы кто-то попытался завязать разговор.

Линь Чанчжун всегда был немного общительным. Увидев, что Цинь Чжао ушел, он придвинулся ближе к Цзин Ли и с дерзкой ухмылкой спросил:

— Теперь, когда Цинь Чжао нет, почему бы тебе не рассказать нам, как вы познакомились?

— Да, когда вы познакомились? Мы никогда не слышали, чтобы Цинь Чжао кем-то интересовался.

— ...И ты не из близлежащих деревень, верно? Кажется, я тебя раньше не видел.

Все стали задавать вопросы, и Цзин Ли немного растерялся.

Он запнулся и пробормотал:

— Я... Я издалека, не из этой деревни. Я познакомился с Цинь Чжао... Может быть, несколько месяцев назад. Он спас меня.

Жители деревни были в основном простыми людьми и не сомневались в правдивости его слов.

Тогда Линь Чанчжун спросил:

— Значит, ты пришел сюда, чтобы отплатить благодарностью?

Цзин Ли ответил:

— Ну, не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— На самом деле, это потому, что... — Цзин Ли посмотрел в сторону Цинь Чжао, а затем, собравшись с духом, сказал: — Это потому, что Цинь Чжао был так предан мне. Он настойчиво добивался меня несколько месяцев. Меня тронула его искренность, и я согласился быть с ним!

...

На мгновение вокруг них воцарилась ошеломленная тишина, и на лицах всех читалось удивление.

Кто бы мог подумать, что Цинь Чжао такой?

Как только Цзин Ли начал рассказывать, ему стало легко продолжать. Он выпрямился и серьезно заговорил:

— Да, сначала я не хотел оставаться, но Цинь Чжао был так искренен. Он даже сказал, что если я не останусь, то он...

— И что бы я сделал? — внезапно сзади раздался голос.

Цзин Ли обернулся и увидел, что Цинь Чжао стоит сзади и мягко улыбается ему.

Это была очень теплая улыбка.

<http://bllate.org/book/14325/1268662>